

Чистова Е.В., Корчуганова П.Н.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КЛАСТЕРА «ФОБИЯ»
В КИТАЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ[©]**

*Сибирский федеральный университет,
Россия, Красноярск, EChisova@sfu-kras.ru*

Аннотация. В статье рассматривается когнитивно-психологический феномен фобии в его лингвистическом преломлении. На материале личных интернет-страниц и мемов, бытующих в среде китайских подростков, авторы рассматривают коллективный эмоциональный кластер «фобия» посредством лингвистических методов. В результате исследования составлено лексико-грамматическое поле с архисемой «фобия», выявлены превалирующие в данном комплексе эмоции грусти и сожаления, описана корреляция информативной плотности и эмоционального градуса исследуемых поликодовых фрагментов, а также выявлена национальная специфика использования виртуальных аналогов эмоций в китайской молодежной лингвокультуре.

Ключевые слова: эмоция; эмоциология; китайский язык; виртуальная коммуникация; эмотикон; социолингвистика.

Поступила: 04.11.2020

Принята к печати: 12.01.2021

Chistova E.V., Korchuganova P.N.

**Linguistic representation of the emotional cluster «phobia»
in Chinese social networks[©]**

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk, EChisova@sfu-kras.ru

Abstract. The paper deals with the cognitive-psychological phenomenon of phobia in its linguistic refraction. Based on the material of the personal Internet pages and memes used by Chinese teenagers, the authors consider the collective emotional cluster

© Чистова Е.В., Корчуганова П.Н., 2021

© Chistova E.V., Korchuganova P.N., 2021

«phobia» via linguistic methods. As a result of the study, a lexical and grammatical field with the archiseme «phobia» is compiled, the emotions of sadness and regret prevailing in this complex are identified, the correlation of informative density and emotional degree of the studied polycode fragments is described, and the national specificity of using virtual analogs of emotions in Chinese youth linguaculture is revealed.

Keywords: emotion; emotionology; Chinese language; virtual communication; emoticon; sociolinguistics.

Received: 04.11.2020

Accepted: 12.01.2021

Введение

Виртуальная коммуникация с каждым годом захватывает все большее количество пользователей, среди которых высокий процент составляют подростки. Скука, невнимание родителей, привлекательность контента все чаще заставляют молодежь «перемещаться из реальной формы бытия в цифровую, симуляционную, созданную с помощью информационных технологий» [Баева, 2014, с. 5]. Интернет-среда позволяет подросткам получать информацию по различным каналам, постоянно находиться среди «друзей», таких же удаленных пользователей, общение с которыми может носить поверхностный характер, без вовлечения в «мир Другого». Новая реальность также предлагает особый тип развлечения – рекреацию, являющуюся специфичным видом виртуальной «тусовки» [там же, с. 7]. Это форма ни к чему не обязывающего времяпрожигания в среде себе подобных, где можно делиться впечатлениями и выражать свои эмоции, замещая их виртуальными аналогами.

Привыкая к общению в виртуальном формате, детская психика постепенно перестает различать границы между виртуальным миром и реальностью и, как следствие, перестает препятствовать экспликации настоящих чувств пользователей сети. Несмотря на имеющиеся положительные и отрицательные стороны виртуального общения, его ценность также заключается в том, что оно дает возможность «наблюдать» за поведением подростков, коммуницирующих в социальных сетях. Такое наблюдение представляет интерес в ракурсе, во-первых, изучения особенностей данного вида коммуникации, во-вторых, мониторинга коллективного настроения подросткового сообщества как наиболее уязвимого социального пласта и, в-третьих, выявления тревожных сигналов для принятия своевременных превентивных мер.

Благодаря технологическому прорыву Китай по многим позициям занимает первые места как в случаях социально-экономических прорывов, так и болевых точек. Это относится и к ситуации с Интернетом. По данным «Китайского национального детского центра» в Китае насчитывается 137 млн. пользователей Интернета, среди которых зарегистрировано 18 млн. подростков от 13 до 24 лет [Медведева, Шишова, 2007]. Как известно, подростки относятся к категории населения с высоким уровнем социальной тревожности, и коэффициент частоты социальных расстройств (страхи, интернет-зависимость, игромания и т.д.) у данной категории достигает 8% [Anxiety in rural ..., 2018]. Острота и социальная значимость этих проблем решается в КНР на государственном уровне.

Опыт Китая в этом вопросе может быть полезен и нашей стране, поэтому результаты исследования фобии как коллективной эмоции, связанной с повышением тревожности и увеличением социальных страхов, проведенное на материале интернет-страниц китайских подростков, может затем быть экстраполировано на пространство Рунета.

Траектории изучения фобии как комплексной эмоции в лингвистическом контексте

Фобия выступает объектом исследований различных научных областей, таких как томалогия¹, когнитивная психология, психиатрия, социология и т.д. Существует несколько подходов к определению фобии:

- 1) как к симптуму неконтролируемого, не поддающегося логике здравого смысла *страха* или устойчивому *переживанию* излишней *тревоги* в определенных ситуациях (например, в ожидании какого-либо известного объекта);
- 2) как к патологически повышенному проявлению реакции *страха* на тот или иной *раздражитель* [Котро, Моллар, 1996];
- 3) как к психопатическому состоянию, выражающемуся немотивированным *страхом* и *неприязнью* к тому, что конкретно вызывает этот *страх* [Ефремова, 2000];

¹ Томалогия – новая экспериментальная научная область, изучающая внутренний мир человека, его возможности и развитие.

4) как к одной из форм невротического *страха* со значительной степенью преувеличения внешней *опасности* и разными уровнями экспликации эмоций (от легкой *боязни* до сильных приступов *паники или истерии*) [Фрейд, 1991] и т.д.

Множество имеющихся определений фобии дает нам основание считать такие эмоциональные проявления, как страх, боязнь, тревожность, недоверие, опасение, неприязнь, раздражение, паника и т.д. состояниями, сопряженными с фобическими. В данном ракурсе фобия представляется полноценным эмоциональным кластером, включающим в себя различные психические, когнитивные, образные и поведенческие компоненты, среди которых превалирующую роль играют чувства страха и тревоги.

На текущий момент проблемы фобических расстройств изучаются в основном в рамках психологии, психиатрии, когнитивной терапии и социологии. Однако, по мнению Т.В. Черниговской, высказанному в рамках I Национального Конгресса по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике, состоявшегося 10–16 октября 2020 г., «исследования в области когнитивной психологии являются недостаточно завершенными, если в них не учитывается языковая составляющая. Языковые средства могут вынести на поверхность совершенно неожиданные научные факты, так как язык и сознание неразрывно связаны между собой»¹. Данная точка зрения коррелирует с мнением Е.С. Гриценко и А.В. Кирилиной, что все изменения в человеческой жизни фиксируются в языке и, соответственно, должны изучаться в нескольких взаимосвязанных группах научных задач, например, лингвистических и социальных [Гриценко, Кирилина, 2011]. Таким образом, с целью всестороннего понимания фобического феномена целесообразно подключение и лингвистических методов исследования.

Одним из наиболее эффективных лингвистических инструментов в данном контексте является метод семантического поля. Отталкиваясь от частеречного параметра классификации структурных типов поля, в случае рассмотрения комплексной эмоции оптимальным выбором, на наш взгляд, является конструирование лексико-грамматического поля (ЛГП), включающего в себя слова различных частей речи. Базируясь на научно-публицистических

¹ Сайт I Национального Конгресса по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике <https://caics.ru>

источниках, посвященных обсуждению фобий в интернет-статьях, представим стратификацию ЛГП, объединяемого категориально-родовой семой «фобия»:

1) ЛГП «испытывать фобию»: *бояться, ужасаться, страшиться, кошмар, пугающий, угрожающий, тревожные мысли, избегать, покинуть, выйти из зоны комфорта, закрепить в психике, ожидать в ужасе, усиливать (ощущения по мере приближения к фобическому событию);*

2) ЛГП «объект страха»: *животные и насекомые (пауки, змеи, собаки, клещи), природные условия окружающей среды (пыль, буря, темнота, открытое / закрытое пространство, безлюдная улица), кровь или травмы (боль, инъекция, падение с высоты, заражение микробами, сексуальные домогательства), а также конкретные ситуации (скопление людей, совершение ошибки, неудача, публичное выступление, вступление в брак);*

3) ЛГП «виды фобий»: *аихмофобия, ксенофобия, клаустрофобия, аквафобия, гефирофобия, дорофобия, калифобия и т.д.;*

4) ЛГП «признаки фобии»: *беспокойство, учащенное поверхностное дыхание, ощущение боли и одышки, потные ладошки, испарина на лбу, стресс, приступ паники, головокружение, потеря контроля над мочевым пузырем или кишечником, боязнь осуждения, страдание и т.д.;*

5) ЛГП «лечение фобий»: *релаксация, знакомство, сближение, подружиться, переключиться, отношение, изменение, контакт, самоосознание, выговориться, самооценка и т.д.*

Вторым лингвистическим инструментом в раскрытии феномена комплексной эмоции выступает метод сентимент-анализа, который заключается в «интеллектуальной обработке естественноязыковой текстовой информации» [Кочергина, 2015, с. 382], т.е. поиске оценочной лексики и ее интерпретации экспертом на основе субъективного опыта. На первом этапе высказывания изучаются по критерию субъективности. Высказывания с объективной меткой дальнейшему анализу не подвергаются ввиду содержания в них сухих фактов. Далее проводится анализ эмоциональной окраски субъективного суждения, которое впоследствии относят к положительному, отрицательному или нейтральному [Сметанина, 2017, с. 97]. Все результаты стратификации суждений на три категории должны быть верифицированы определенным количеством носителей языка для приближения к максимально универсальной интерпретации.

тации анализируемых высказываний и снятия рисков нивелирования риторических приемов и других языковых средств, приводящих к искажению смысла исследуемого контента.

Когда выполнены все перечисленные шаги и вручную сформирована достоверная качественная эмпирическая база, становится возможным использование автоматизированного сентимент-анализа для исследования более серьезных по объему данных: на первом этапе проводится машинное обучение с составлением алгоритмов, а затем применяются инструменты статистики и компьютерной обработки естественного языка [Колмогорова, Калинин, Маликова, 2019].

В данной работе применяется ручной сентимент-анализ, во-первых, ввиду сложности объекта исследования – комплексной эмоции «фобия», – который прежде не рассматривался в системе лингвистических координат, во-вторых, по причине отсутствия разработанной ранее эмпирической базы с качественной верификацией полученных результатов, в-третьих, в связи с трудностью компьютерной обработки полисемантичного иероглифического письма, к которому относится китайский язык.

Кроме того, необходимо упомянуть о том, что эмоции в представлении современных ученых, таких как А. Вежбицкая, П.Н. Джонсон-Лайдр, С.Г. Шафиков, В.И. Шаховский и др., являются общечеловеческими универсалиями, но в то же время не лишенными национальной специфики. Поскольку в процессе наших речежизненных взаимодействий (см. подробнее [Колмогорова, 2016]) мы ориентируемся на слова как повторяющиеся систематизированные элементы вокализаций, транслирующих культурно обусловленные воспоминания (см. подробнее [Cowley, 2014]), то эмотивную составляющую лингвистической семантики также следует рассматривать в историко-культурологическом аспекте [Шаховский, 2009].

Таким образом, целью данной статьи является рассмотрение фобии как коллективного эмоционального кластера в контексте эмотиологии, лингвопсихологии, социолингвистики и лингвокультурологии. В контексте комбинации научных направлений рассмотрим фобию как социальное тревожное расстройство через призму его поликодового оформления с привлечением виртуальных аналогов эмоций и с учетом его исторических и культурно обусловленных проявлений.

Методика исследования

Поскольку реалии виртуального мира оказывают все более значительное воздействие на личность, то их невозможно игнорировать и не подвергать изучению. Таким образом, материалом данного исследования послужили, во-первых, текстовые высказывания, размещенные в социальной сети WeChat, в количестве 150 скриншотов личных публикаций, во-вторых, современные интернет-мемы 网络语言 (интернет-язык)¹, популярные среди китайских подростков и отобранные в поисковой системе Baidu 百度 в количестве 120 единиц.

Под мемом в данной работе мы понимаем «использующийся в коммуникации знак, имеющий устойчивую форму, которая содержит изменяющийся концепт» [Лысенко, 2017]. Поскольку мемы, представляющие собой поликодовый контент с иллюстрацией и кратким текстовым высказыванием, предназначены для выражения отношения индивида и солидарной с ним группы единомышленников к определенным событиям, реалиям действительности, личностям и т.п., то их научный потенциал невозможно переоценить. В данной работе мемы рассматриваются в качестве репрезентантов коллективного настроения, создающегося на просторах Интернета.

В фокусную группу авторов личных публикаций и мемов вошли молодые люди в возрасте от 19 до 24 лет, являющиеся носителями китайского языка, а именно его наиболее распространенного диалекта – путунхуа. В экспертную группу, осуществляющую оценку качества анализа тональности текстов, вошли трое граждан КНР – две девушки и один молодой человек, которые являются носителями путунхуа и соответствуют возрастному параметру фокусной группы исследования.

Основными лингвистическими методами исследования выступают: сентимент-анализ, контекстуальный анализ, метод семантического поля, интерпретативный метод, анализ поликодовых текстов и экспертная оценка.

Поиск текстовых высказываний и мемов производится согласно списку лексических единиц, составленному на основе работ [Красавский, 2000; Мун Чун Ок, 2004; Опарина, 2004], сопряжен-

¹ Здесь и далее по тексту перевод с китайского языка на русский наш. – Е. Ч., П. К.

ных с изучением лексико-семантического поля «страх» в различных лингвокультурах, и сконструированного нами лексико-грамматического поля с архисемой «фобия».

Первоначальный список составил 26 лексических единиц, однако при неэффективном поиске (если при запросе число выходов составляло 0 или текстовое высказывание не относилось к фобическому) сократился до 16. Ниже приведен данный список:

- 不会 – не мочь
- 不(可)能 – нельзя, нет; не быть в состоянии
- 不容易 – нелегко, непросто
- 不敢 – не достоин, не смею; не осмеливаться
- 不该 – не следует; виноватый
- 不安 – беспокойный
- 痛苦 – душевная боль, горе
- 恐怕 (怕, 害怕) – боязнь, страх; бояться
- 愤怒 – гнев
- 痛恨 – ненависть
- 孤单 – одинокий, уединенный
- 小心 – осторожный
- 只能 – остается только, только и мочь что
- 无法/没法 – невозможно, нет выхода
- 未来 – будущее
- 将来 – будущее

Процедура отбора текстовых высказываний, указывающих на наличие той или иной социальной фобии у китайского подростка, проводилась в несколько этапов. Функция поиска записей по слову в поисковой системе WeChat в рубрике «Моменты» позволяет пользователям публиковать записи, делиться ими с друзьями и оставлять к ним комментарии. В ходе формирования исследовательского корпуса в поисковой строке нами по отдельности вводились лексические единицы из составленного списка, затем проводилась верификация автора высказывания на соответствие параметрам фокусной группы. При соответствии заданных параметров производился перевод отобранных высказываний с китайского языка на русский, а затем текст подвергался анализу и экспертной оценке.

Результаты исследования

Проанализированные исследовательские единицы представляются возможным разделить на монореферентные (относящиеся к одной конкретной фобии) и полиреферентные (имеющие соотнесения одновременно с несколькими фобиями).

На первом рисунке в табл. 1 приводится пример монореферентного высказывания, относящегося к проявлению футурофобии – боязни будущего [Кананин, 2016]. Автор сообщения использует лексему 只能 «только и остается что...», свидетельствующую о сожалении, безысходности и пессимистичном отношении к будущей жизни.

Таблица 1

Примеры монореферентных и полиреферентных высказываний

№ рисунка	Анализируемые текстовые высказывания	Перевод на русский язык
1	 万般不舍 步步回头 但我们也只能往前走...	Я не в силах, на каждом шагу смотрю назад Но мы лишь можем двигаться вперед...
2	 小野妹子 越长大 越孤单	Чем старше становишься, тем более ты одинок.

3		(на заднем фоне: ж/д станция) Женитьба? Поздравления? Подарки? Работа? Зарплата? Доход?
---	--	---

На втором рисунке в табл. 1 демонстрируется одновременная апелляция к футурофобии (в данном контексте – боязни взросления) и аутофобии – боязни одиночества. О страхе потерять друзей свидетельствует лексема 孤单 «одинокий», а также грамматическая конструкция 越…越… («чем (далъше)..., тем (больше)...»), которая указывает на постепенность развития действия. Данный пример показывает «со-бытие» как минимум двух фобий в одном коротком, но емком сообщении.

На третьем рисунке в табл. 1 полиреферентность прослеживается в контаминации двух и более фобических расстройств. На изображении мы видим сидящего на железнодорожной станции подростка с чемоданом; вполне вероятно, что он отправляется в другой город на учебу в университете. Всплывающие в голове молодого человека концепты выстраивают его дальнейший жизненный путь, сопряженный с радостным событием свадьбы и сопутствующими ей бонусов (Женитьба? Поздравления? Подарки?), а также отягощенный последствиями семейной жизни, предполагающими финансовые проблемы (Работа? Зарплата? Доход?). Таким образом, в представленном меме одновременно присутствуют признаки гамофобии – боязни вступления в брак [Психиатрический энциклопедический словарь, 2003], гипенгиофобии – боязни взять на себя ответственность [Блейхер, Крук, 1995], атихифобии – боязни совершить ошибку, неофобии – боязни нового, перемен [Википедия, 2020] и футурофобии.

Рассмотренный в меме поликодовый контекст демонстрирует продуктивность и эффективность анализа поликодовых текстов языковых средств как «доступа к знаниям о мире и обществе, коллективному бессознательному и одновременно индивидуальному

“Я”» [Гриценко, Кирилина, 2011]. Комбинация из шести лексических единиц, погруженных в определенную событийную панораму, позволяет нам увидеть трансформации экзистенциальных категорий китайского общества и изменения оценочных суждений в жизни китайской молодежи. Лаконичные текстовые высказывания в сочетании с изобразительным компонентом обладают высокой эмоциональной плотностью и раскрывают одновременно как минимум пять видов фобических расстройств, присущих многим представителям китайской лингвокультуры ввиду очевидной популярности данного мема среди интернет-пользователей.

Исследование поликодового контента, представленного на личных страницах китайских подростков, выявило некоторые закономерности проявления эмоционального градуса.

Первое, что следует отметить, это ограниченное количество используемых в текстовых сообщениях эмотиконов – пиктограмм, изображающих эмоцию [Сметанина, 2017, с. 98]. В 90% случаев проявление какой-либо социальной фобии в текстовом формате выглядит подобно примеру на первом рисунке в табл. 2. Пользователь выставляет пост сплошным текстом, репрезентирующим «сухой остаток» его рассуждений, ограничивающимся минимальным набором пунктуационных знаков, а в ряде случаев и без них, и исключающим любые изобразительные экспликации чувств. Одновременно текстовое сообщение обладает довольно высокой эмоциональной плотностью, в частности автор данного поста сожалеет о необратимости жизненных процессов, о невозможности повернуть все вспять, используя при этом лексические единицы с ярко выраженным отрицательным коннотативным потенциалом: *觉得很压抑* *чувствовать себя подавленным, удручающе, угнетенно, 很不是滋味* *неприятно, тяжело, 不尽人意* *оставлять желать лучшего, быть неудовлетворенным* [БКРС, 2020].

В 10% случаев авторы постов все же применяют эмотиконы, как, например, на втором рисунке в табл. 2. Наряду с довольно распространенными лексемами, указывающими на фобическое восприятие ситуации (*是我的错 это моя вина, 很失望啊 разочарован*), автор поста использует выражение *票圈 piàoquān* (букв. *печатный круг*) – сокращенный фонетик, имитирующий *朋友圈 péngyouquān* *круг друзей*, а также поэтическое сравнение

没有一个人吹 (букв. *ни один человек не дунет*), т.е. «не дует в мою сторону», значит, «не вспоминает обо мне, не пишет в моей ленте». Лингвистическая репрезентация аутофобии (боязни одиночества) усиливается тремя вопросительными знаками (недоумение, сильное удивление от забвения со стороны окружающих) и эмотиконами в масках (молчание, игнорирование).

Таблица 2

Примеры высказываний со средним градусом
эмоциональной тональности

№ рисунка	Анализируемые текстовые высказывания	Перевод на русский язык
1	 <p><i>SelinaYoung</i></p> <p>今天下午及晚上看了蝴蝶效应一，刚开始觉得很有压抑很恐怖，后面还是坚持看完了，感觉很不是滋味。男主角为了改变身边的人的命运，一次又一次地回到过去去改变历史，从而改变了自己及身边的人的生命轨迹。改了一次又一次，还是不尽人意，他终于决定不让自己出生，回到娘胎里把自己杀死，成全了别人.....很唏嘘，我也时常想：如果自己当初是这么做的话，现在的生命轨迹是怎么样的呢？很多人都有这样的想法，真的不知道。电影中的镜头可以重来，并演绎各种可能，但是我们却不能。走到今天，对过去已经无能为力，只能好好规划将来，希望接下来的生活更接近自己想要的那样，唯能如此。</p>	<p>«... в фильме можно перемещаться во времени и изменять ход жизни, но в реальности мы бессильны, не можем вернуться в прошлое. Мы можем только строить планы на будущее и надеяться, что следующая жизнь будет ближе к тому, чего мы хотим, и только так».</p>
2	 <p><i>Neal</i></p> <p>周末才有时间补是我的错 但是我的票圈居然没有一个人吹？？？ 我对我的朋友们很失望啊 😞😞😞</p> <p>carrie_and_hanbury</p> <p>248 likes 87 comments Just finished our first song!</p> <p>View all 87 comments</p>	<p>«Я не виноват, что у меня есть свободное время в выходные. Только вот почему-то в моих Моментах никто даже не пишет! Очень разочарован в своих друзьях (эмодзи “в маске”»).</p>

Выявленный низкий процент использования эмотиконов грусти, с одной стороны, возможно, объясняется сложностью иллюстрирования данной эмоции (первый рисунок в табл. 3) в сравнении, например, с боязнью, страхом (второй рисунок в табл. 3). Однако в случае социальных фобий экспрессивные эмотиконы страха совсем не подходят – они не соответствуют сути исследуемых постов. С другой стороны, возможно, это связано с избеганием публичного проявления эмоции грусти в китайской лингвокультуре, что коррелирует с выводами А.В. Колмогоровой, определяющей данный феномен как эмоциональный объект, «которого, согласно имплицитным социальным императивам», следует избегать в китайском социуме [Колмогорова, 2019, с. 100], подобно греховному унынию в христианстве. К такому выводу исследователь приходит на основании нежелания / отказа студентов участвовать в эксперименте, направленном на исследование тональности эмоционально окрашенных учебных текстов, в случае, если ответы на вопросы и анкетирование предлагались на текстах с грустной эмоциональной тональностью.

Таблица 3.

Примеры эмотиконов

1						Примеры эмотиконов грусти, сожаления
2						Примеры эмотиконов боязни, страха

Совершенно другой градус эмоциональной тональности прослеживается в исследуемых мемах, в 95% из которых наблюдаются экзальтированные формы проявления эмоций. Например, чэньюй 生无可恋, передающий чувство тоски и безысходности, нежелания двигаться дальше и разочарования в жизни, в меме на первом рисунке в табл. 4 усиливается за счет изображения плачущей девушки, сидящей в луже собственных слез, а на втором

рисунке в табл. 4 за счет человека, приставившего к своей голове пистолет.

Высказывание 人间不值得 на третьем рисунке в табл. 4, получившее популярность благодаря микроблогу актера ток-шоу, который часто в своих постах рассуждал о разочарованиях и бессмыслиности жизни, о ее бренности, усиливается изображением панды с человеческим лицом в гробу. Это указывает на национальную специфику восприятия футурофобии и аутофобии, а также апеллирует к «культуре траура» 丧文化 – молодежной субкультуре в Китае, пропагандирующей пессимизм и упадничество (возможно, заимствованной из западной культуры).

Таблица 4

Примеры высказываний с высоким градусом
эмоциональной тональности

 1	 2	<p>生无可恋</p> <p>«Больше нет ничего (людей, вещей), ради чего можно жить, и жизнь не имеет смысла»</p>
<p>人间不值得</p> 3	 4	<p>窝的内心几乎是奔溃的</p> <p>«Нет смысла жить, не для чего жить» «Сердце почти разбито»</p>

Текстовое сообщение 窝的内心几乎是奔溃的 «сердце почти разбито» в совокупности с изображением крови, льющейся изо рта человека на четвертом рисунке в табл. 4, заключает в себе им-

плицитное присутствие сразу двух фобий – боязни одиночества и смерти от потери любимого человека (танатофобии). Натуралистическая природа китайской культуры отражает в данном контексте национальную специфику восприятия подобного кластера чувств, при этом, с одной стороны, это принимает гипертрофические формы, а с другой – наиболее полным образом отражает всю гамму чувств, испытываемых человеком в процессе любовных терзаний.

По результатам проведенных в КНР исследований, причинами повышенного уровня тревожности у китайских подростков считаются, во-первых, слишком сильный родительский контроль (30%), излишняя опека (30%), жесткие методы воспитания (10%) [马化腾, 2018]; во-вторых, политика «одного ребенка», проводившаяся с 1979 по 2015 год и приведшая детей из семей «нового об разца» к снижению уровня социального доверия, желания взаимодействовать и работать корпоративно, а также уровня авантюризма в хорошем смысле этого понятия и оптимизма [Little emperors ..., 2013]; в-третьих, завышенные ожидания родителей и высокие требования к успехам в образовательных и социальных средах [Hu, Hagedorn, 2014].

Все перечисленные причины, а также активно воздействующий на представителей китайской лингвокультуры социальный императив **关系** – «отношения в социуме» очевидно приводят китайских подростков к острым исторически и культурно обусловленным фобическим расстройствам, таким как рабдофобия – боязнь наказания, гелотофобия – страх оказаться объектом юмора, насмешек, троллефобия – страх быть публично обиженным, униженным, оскорбленным или осмеянным [Википедия, 2020], как, например, показано в меме на первом рисунке в табл. 5, где текстовое выражение **冤枉啊** «быть несправедливо обиженным» с изображением связанного плачущего человека, стоящего на коленях (возможно, ребенка, так как человек изображен с большой головой), и человека с усами, заносящего над ним свой меч, отражает всю глубину эмоциональных переживаний.

Таблица 5

Примеры высказываний с национальной спецификой

Параметр / № рисунка	1	2
Анализируемые текстовые высказывания		
Перевод на русский язык	«Быть несправедливо обиженным / обвиненным»	«Спасибо, но нет»

Страх потери лица в китайском обществе является одним из самых сильных, поэтому китайцы всячески пытаются избежать этого, применяя соответствующие превентивные стратегии в коммуникации. Одной из таких стратегий в мем-творчестве, направленных на предупреждение троллинга в сетях, является создание комического эффекта, как, например, показано на втором рисунке в табл. 5. Данный интернет-мем предназначен для мягкого отказа или выражения несогласия, демонстрируя желание оградиться от критики и агрессии. По оценке экспертов, такая форма отказа с изображением милого плюшевого медведя (в разных вариациях мем «медведь» может быть заменен на любого другого персонажа) значительно смягчает отказ и воспринимается более позитивно.

Итак, по результатам исследования представляется возможным составить лексико-грамматическое поле эмоционального кластера «фобия», выявленного на материале социальных сетей китайских подростков.

1. ЛГП «испытывать фобию». Значительную часть языковых средств составляют единицы с отрицательным показателем модальности 不可, 不能, 不会, 不敢 (*не мочь, нельзя, не нужно, не осмелиться*), а также отрицательные частицы 不/没 (*«не»*). Сформированный для отбора эмпирического материала список языковых маркеров фобических расстройств может быть дополнен с учетом китайской национальной специфики следующими частотными единицами: 点丧 *грустно, 很不是滋味* *nepriyatno, 乏味* *пресный, неинтересный, 压抑* *удрученный, 不快乐* *недовольный, раздражение, 失望* *разочарование, 失去* *терять, 错* *вина, ошибка*. Возможно, расширенный список при последующих исследованиях даст больше выходов на запрашиваемый материал и обогатит эмпирическую базу.

2. ЛГП «номинации объектов страха»: *социальные ситуации* (*совершение ошибки, неудача, публичное выступление, вступление в брак, потеря друзей, любовные истории, перемены в жизни, наказание, финансовые трудности и т.д.*).

3. ЛГП «номинации видов фобий»: *футурофобия, аутофобия, гамофобия, гипенгиофобия, атихиофобия, неофобия, танатофобия, рабдофобия, гелотофобия, троллефобия* и т.д.

В контекстуальном оформлении ситуации «лечения фобий», как правило, используются коммуникативные стратегии, предупреждающие потерю лица, тактики призыва к общению, создания комического эффекта и т.д.

К дискурсивным маркерам комплексной эмоции «фобия» относятся риторические вопросы, междометия, многоточия; в ходе анализа поликодовых текстов отмечаются такие особенности, как анонимность авторов постов, экзальтированность иллюстраций мемов, минимальный набор эмотиконов и т.д.

Дискуссия

Отсутствие или минимализм в использовании эмотиконов указывает либо на неуловимость феномена грусти и сложность его поликодового представления, либо на национально-специфическое коммуникативное поведение, обусловленное имплицитными социальными регуляторами китайской лингвокультуры.

Текстовые сообщения фобического характера содержат ограниченное количество эмотиконов, но при этом имеют высокую эмоциональную плотность, в то время как мемы отличаются гипертрофированными формами эмоционального напряжения. Контраст эмоционального градуса между ними указывает, с одной стороны, на разножанровость лингвистической репрезентации фобии, а с другой – на избегание демонстрации настоящих чувств и эмоций, «маскируемых» сухими, «безжизненными» с позиций поликодовости текстовками или искусственно преувеличенными иллюстративными образами согласно натуралистической китайской традиции.

Заключение

Исследование фобических расстройств, проявляемых китайскими подростками в социальных сетях, посредством лингвистических методов позволяет заключить, что, во-первых, фобия представляет собой сложный культурно обусловленный комплекс эмоций с ярко выраженной национальной спецификой, отражающей коллективное бессознательное.

Во-вторых, лингвистическая репрезентация данного эмоционального кластера происходит в контексте угнетенной, пессимистичной, депрессивной или саркастической тональности, отражая такие чувства, как недоверие, неприязнь, угнетение, подавленность, фрустрация, раздражение, подозрение и другие эмоциональные состояния с превалирующей долей грусти и сожаления, но не боязни и страха.

В-третьих, текстовые и поликодовые фрагменты, отражающие фобические расстройства, обладают разной информативной плотностью: их можно классифицировать на монорефентные (относящиеся к одной фобии) и полиреферентные (обладающие широким интерпретативным потенциалом, раскрывающим признаки двух и более фобий в одном высказывании).

В-четвертых, лингвистическая репрезентация эмоционального кластера «фобия» в китайских социальных сетях имеет культурно-обусловленные и национально-специфические характерные черты.

Список литературы

Баева Л.В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Философия. Психология. Педагогика. – 2014. – Т. 14, № 4. – С. 5–10.

БКРС = Большой китайско-русский словарь. – URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 20.10.2020).

Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. – Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995. – 640 с.

Википедия. Список фобий. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_фобий (дата обращения: 21.10.2020).

Грищенко Е.С., Кирилина А.В. «Язык и глобализация» в контексте лингвистического образования (конструктивистский подход) // Высшее образование в России. – Москва : Московский политехнический университет, 2011. – № 3. – С. 69–75.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Москва : Русский язык, 2000. – URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 13.02.2019).

Кананин А. Страхи. Энциклопедия человеческих фобий. – Екатеринбург : Издательские решения, 2016. – 100 с.

Колмогорова А.В. Когнитивная автономия, гетерономия и экология: взгляд лингвиста // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. 27. – С. 61–68.

Колмогорова А.В. Эмоциональная тональность как значимый субъективный параметр учебного текста при овладении русским языком как иностранным // Филологический класс. – 2019. – № 3 (57). – С. 95–101.

Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В. Кто и о чем говорит в «радостных» и «грустных» текстах: в поисках дискриминантных черт текстов разных эмоциональных тональностей // Известия Уральского федерального университета. – Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 21, № 4 (193). – С. 219–234.

Котроп Ж., Моллар Е. Когнитивная терапия фобий // Московский психотерапевтический журнал. – 1996. – № 3. – URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=64295> (дата обращения: 15.09.2020).

Кочергина К.С. Алгоритм поиска оценочной лексики в конфликтных текстах // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. – Томск : Изд-во Томского университета, 2015. – Вып. 16. – С. 381–384.

Красавский Н.А. Этимологический анализ синонимического ряда «страх» (на материале немецкого языка) // Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Рязань : Изд-во РГПУ, 2000. – С. 83–90.

Лысенко Е.Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи // Вестник СПбГУ. Серия 12 : Социология. – 2017. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-v-kommunikatsii-molodezhi> (дата обращения: 15.04.2020).

Медведева И.Я., Шишова Т.Л. Интернет-зависимость в Китае // Ребенок и компьютер. – Клин, 2007. – URL: <http://profi-rus.narod.ru/semya/Rebenok-i-kompyuter.htm> (дата обращения: 23.10.2020).

Мун Чун Ок. Лексико-семантическое поле «страх» в современном русском языке (на фоне корейского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2004. – 220 с.

Опарина О.И. Страх как лингво-психологическая составляющая языковой картины мира // Язык, сознание, коммуникация. – Москва : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 27. – С. 26–35.

Психиатрический энциклопедический словарь / Стоименов Й.А., Стоименова М.Й., Коева П.Й. и др. – Киев : МАУП, 2003. – 1200 с.

Сметанина Н.И. Основные задачи анализа тональности текстов в социальных сетях // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2017. – № 15. – С. 96–99.

Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. – Москва : Наука, 1991. – 456 с.

Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 29–43.

Anxiety in rural Chinese children and adolescents: Comparisons across provinces and among subgroups / Liu H., Shi Y., Auden E., Rozelle S. // International Journal of environmental research and health care. – 2018. – Vol. 15 (10). – DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph15102087>. – URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/15/10/2087>

Cowley S.J. Bio-ecology and language: a necessary unity // Language Sciences. – 2014. – № 41. – Part. A. – P. 60–70. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0388000113000909?via%3Dihub>

Hu J., Hagedorn S.L. Chinese parents' hopes for their only children: A transition program case study // Journal of College Admission. – Iowa State University. Digital Repository. Education Publications. – 2014. – P. 35–42. – URL: https://lib.dr.iastate.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1014&context=edu_pubs

Little emperors: Behavioral impacts of China's one-child policy / Cameron L., Erkal N., Gangadharan L., Meng X. // Science. – 2013. – Vol. 339 (6122). – P. 953–957. – DOI: 10.1126/science.1230221.

马化腾.中国青少年社会问题的原因 [Причины социальных проблем китайских подростков]. – 2018. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-03/05/c_1122488991.htm (дата обращения: 27.09.2020).

References

Baeva, L.V. (2014). Virtual'naya kommunikaciya: klassifikaciya i specifika [Virtual communication: classification and specifics]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [Journal of the Saratov University], 14(4), 5–10.

BKRS = *Bol'shoj kitajsko-russkij slovar* [Great Chinese-Russian dictionary]. (2020). Retrieved from: <https://bkrs.info/>

Blejher, V.M., Kruk, I.V. (1995). *Tolkovyj slovar' psihiatricheskikh terminov* [Explanatory dictionary of psychiatric terms]. Voronezh.

Wikipedia. *Spisok fobij* [Wikipedia. List of phobias]. (2020). Retrieved from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Spisok_fobij

Gricenko, E.S., Kirilina, A.V. (2011). «Yazyk i globalizaciya» v kontekste lingvisticheskogo obrazovaniya (konstruktivistskij podhod) [“Language and globalization” in the context of linguistic education (constructivist approach)]. *Vyssh. obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 3, 69–75.

Efremova, T.F. (2000). *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-forming]. Retrieved from: <https://www.efremova.info/>

Kananin, A. (2016). *Strahi. Enciklopediya chelovecheskikh sobij* [Fears. Encyclopedia of human phobias]. Ekaterinburg: Izdatel'skie resheniya [Publishing solutions].

Kolmogorova, A.V. (2016). Kognitivnaya avtonomiya, geteronomiya i ekologiya: vzglyad lingvista [Cognitive autonomy, heteronomy, and ecology: a linguist's view]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 27, 61–68.

Kolmogorova, A.V. (2019). Emocional'naya tonal'nost' kak znachimyj sub"ektivnyj parametr uchebnogo teksta pri ovladenii russkim yazykom kak inostrannym [Emotional tonality as a significant subjective parameter of the educational text when mastering Russian as a foreign language]. *Filologicheskij klass* [The philological class], 3(57), 95–101.

Kolmogorova, A.V., Kalinin, A.A., Malikova, A.V. (2019). Kto i o chem govorit v «radostnyh» i «grustnyh» tekstah: v poiskah diskriminantnyh chert tekstov raznyh emocional'nyh tonal'nostej [Who and what speaks in “happy” and “sad” texts: in search of discriminant features of texts of different emotional tones]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Journal of the Ural Federal University], 21(4), 219–234.

Kotro, Zh., Mollar, E. (1996). Kognitivnaya terapiya fobij [Cognitive therapy of phobias]. *Moskovskij psihoterapevticheskiy zhurnal* [Moscow psychotherapy magazine], 3. Retrieved from: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=64295>

Kochergina, K.S. (2015). Algoritm poiska ocenochnoj leksiki v konfliktnyh tekstah [The search algorithm is the evaluation of vocabulary in the conflict lyrics]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Current problems of linguistics and literary studies], 16, 381–384.

Krasavskij, N.A. (2000). Etimologicheskij analiz sinonimicheskogo ryada «strah» (na materiale nemeckogo yazyka) [Etymological analysis of the synonymous series “fear” (based on the material of the German language)]. In: *Kognitivnye aspekty yazykovoj kategorizacii* [Cognitive aspects of language categorization] (pp. 83–90). Ryazan.

Lysenko, E.N. (2017). Internet-memy v kommunikacii molodezhi [Internet memes in youth communication]. *Vestnik SPbGU* [Journal of SPbGU], 4. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-v-kommunikatsii-molodezhi>

Medvedeva, I. Ya., Shishova, T.L. (2007). Internet-zavisimost v Kitae [Internet addiction in China]. In: *Rebenok i komp'yuter* [Child and computer]. Retrieved from: <http://profi-rus.narod.ru/semya/Rebenok-i-kompyuter.htm>

Mun Chun Ok (2004). *Leksiko-semanticeskoe pole «strah» v sovremenном russkom yazyke (na fone korejskogo yazyka)* [Lexical and semantic field “fear” in modern Russian (against the background of Korean)]. Saint-Petersburg.

Oparina, O.I. (2004). Strah kak lingvo-psihologicheskaya sostavlyayushchaya yazykovoj kartiny mira [Fear as a linguistic and psychological component of the language

picture of the world]. *Yazyk, soznanie, kommunikaciya* [Language, consciousness, communication], 27, 26–35.

Stoimenov, J.A., Stoimenova, M.J., Koeva, P.J. et al. (2003). *Psichiatricheskij enciklopedicheskij slovar* [Psychiatric encyclopedic dictionary]. Kiev.

Smetanina, N.I. (2017). Osnovnye zadachi analiza tonal'nosti tekstov v social'nyh setyah [The main tasks of analyzing the tonality of texts in social networks]. *Skif. Voprosy studencheskoj nauki* [Scythian. Questions of students' science], 15, 96–99.

Freud, Z. (1991). *Vvedenie v psichoanaliz: Lekcii* [Introduction to psychoanalysis]. Moscow.

Shahovskij, V.I. (2009). Emocii kak objekt issledovaniya v lingvistike [Emotions as an object of research in linguistics]. *Voprosy psicholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 9, 29–43.

Liu, H., Shi, Y., Auden, E., Rozelle, S. (2018). Anxiety in rural Chinese children and adolescents: Comparisons across provinces and among subgroups. *International Journal of environmental research and health care*, 15(10). DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph15102087>. Retrieved from: <https://www.mdpi.com/1660-4601/15/10/2087>

Cowley, S.J. (2014). Bio-ecology and language: a necessary unity. *Language Sciences*, 41 A, 60–70. Retrieved from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0388000113000909?via%3Dihub>

Hu, J., Hagedorn, S.L. (2014). Chinese parents' hopes for their only children: A transition program case study. In: *Journal of College Admission* (pp. 35–42). Retrieved from: https://lib.dr.iastate.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1014&context=edu_pubs

Cameron, L., Erkal, N., Gangadharan, L., Meng, X. (2013). Little emperors: Behavioral impacts of China's one-child policy. *Science*, 339(6122), 953–957. DOI: 10.1126/science.1230221.

马化腾.中国青少年社会问题的原因 [Causes of social problems of Chinese teenagers]. (2018). Retrieved from: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-03/05/c_1122488991.htm